

Геннадий Прашкевич

СЕКРЕТНЫЙ
ДЪЯК

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
П 70

Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Валерия Гореликова

ISBN 978-5-389-32151-9

© Г. М. Прашкевич, 2026
© А. В. Етоев, послесловие, 2026
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ОТ АВТОРА

Я рос на Енисее в небольших таежных селах, позже — в Кузбассе, на железнодорожной станции Тайга. Запах каменноугольной крошки, шлака, гудки пароходов и паровозов, звезды в зимнем небе, огни маневровых фонарей — все казалось мне вечным и неизменным. В голову не приходило, что это сюда, именно сюда, в нашу Сибирь, в край наш, еще недавно стремился Ермак Тимофеевич, где-то ставил острожки атаман Копылов, спускался из Жиганска на деревянных кочах казак Илья Перфирьев, а другой казак Мишка Стадухин изумленно сообщал с далекой реки Погычи о прежде неведомом народе — чюхчах.

Северные сияния — юагиры зажигают огни в небе.

Все свое. Все неизменное. И только по мере взросления проявлялось, все-таки проявлялось в сознании, как на некоей обрабатываемой химикатами фотобумаге, понимание чрезвычайной давности, казалось бы, знакомой истории.

А тут что было? А тут кто жил?

И остались бы, наверное, эти мои вопросы никому не заданными, и не получил бы я на них никаких ответов, если бы не библиотеки — чудесные, потерянные в глухих селах и городках маленькие библиотеки, очень вовремя предложившие мне и «сказки» Владимира Атласова, и чудесные «описания земли Камчатки» Степана Крашенинникова, и поразительные заметки из заветных «сундуков» академика Миллера. Уже не туманом незнания затягивало вечно идущее, как снег-дождь, время, не снежная пелена закрывала пространства неведомых земель, по которым кочевали дикие олешки, на которых ставили свои урасы шоромбойцы, олюбенцы, юагиры, долгане, ламуты.

Кто мы?

Откуда?

Куда идем?

И случилось то, что не могло не случиться!

«Санька соскочила с печи, задом ударила в забухшую дверь. За Санькой быстро слезли Яшка, Гаврилка и Артамошка: вдруг все захотели пить, — вскочили в темные сени за облаком пара и дыма из прокисшей избы...» Там, в сенях, пробивался в узкое окошечко лунный свет, обледенелая ручка ковшика торчала из кадки; так Алексей Николаевич Толстой писал об уже исчезнувшем прошлом, и под его пером все оживало. И даже «дикие» (на сторонний взгляд) юагиры, ламуты, чюхчи, долгане не только на волшебные сказки оказывались мастерами; они просто жили тут, охотились, жгли костры, брали пушнину, а в их сторону уже шли и шли русские промышленники.

Как не похож мир на наши о нем представления!

Радость, изумление, дым в небо, женские возгласы, шум океанского наката — чудесно обесмысливавшиеся от удивления глаза дьяков, летописные листы мировых событий. Как написать об этом?

Да вот же под рукой Лажечников!

Вот близкий нам, знакомый девятнадцатый век.

«Государыня села в первую карету с придворной дамой постарше; в другую карету вспрыгнула Мариорица, окруженная услугами молодых и старых кавалеров. Только что мелькнула ее гомеопатическая ножка, обутая в красный сафьяновый сапожок, и за княжной полезла ее подруга, озабоченная своим роброном».

Гомеопатическая ножка! — как тут не дрогнуть сердцу?

И я услышал! Увидел явственно.

Тундра, оленьи, снежная замять, стрела в снегу.

Углы одной эпохи неуклонно вдвигались в углы другой, свет прошедшего мешался со светом приближающегося будущего. Время и пространство едины. Да, мы живем в разных эпохах — и вы, читатель, и вы, древняя старушка из соседнего дома, и вы, девчонки в косичках, и ты, слесарь из вагонного депо, и космонавт, упорно накручивающий свои орбиты над планетой, и охотник с Таймыра, — мир един.

Вот вам и гомеопатическая ножка.

Отсюда и размышления.

Отсюда и книги.

СЕКРЕТНЫЙ ДЪЯК,
ИЛИ
ЯЗЫК
ДЛЯ ПОТЕРПЕВШИХ
КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СЕКРЕТ

Сентябрь 1721 — февраль 1722 гг.

Уста премудрых нам гласят:
Там разных множество светов;
Несчетны солнца там горят,
Народы там и круг веков:
Для общей славы божества
Там равна сила естества.

М. Ломоносов

Глава I
СЕКРЕТНЫЙ ДЬЯК

1

Осенью 1700 года (получается, к началу рассказа лет за двадцать) в северной плоской тундре (в сендухе, по-местному), верстах в ста от Якутского острога, среди занудливых комаров и жалко мекающих олешков, в день, когда Ваньке Крестинину стукнуло семь лет, некий парнишка, сын убийцы и сам давно убийца, хотя по виду и не превзошел десяти-одиннадцати лет, в драке отрубил Ваньке указательный палец на левой руке. Боль невеликая, но рука стала походить на недоделанную вилку.

В той же сендухе, ровной и плоской, как стол, под томительное шуршание осенних бесконечных дождей, старик-шептун, заговаривая Ваньке отрубленный палец, необычно и странно предсказал: жить, Иван, будешь долго, обратишь на себя внимание царствующей особы, полюбишь дикующую, дойдешь до края земли, но жизнь, добавил, проживешь чужую.

Шел дождь, отрубленный палец пронзительно дергало, но старик-шептун потихоньку снял боль.

А пророчество...

Ну разве не сказано: «Отчасти знаем, отчасти пророчествуем»?

Много чего нашептал в ту ночь старик, напугал не одного Ваньку, а все не в толк. Прошло немного времени, и Ванькино-

го отца, опытного стрельца Матвеева, тоже, кстати, Ивана, зарезали в тундре злые шоромбойские мужики. Как не зарезать, когда одно небо вокруг? Сидишь, дикуешь.

Добрые люди подобрали одинокого мальчишку и отправили с ясачным обозом в Москву, где волею родной тетки Елизаветы Петровны Саплиной, урожденной Матвеевой, и ее супруга славного майора (тогда еще капитана) Якова Афанасьевича Саплина Иван Матвеев-младший (записанный на всякий случай Крестининым — по матери, что понятно: стрельцы при государе Петре, Усатом, вышли из почета) начал изучать по Псалтирю грамоту и в короткий срок проявил такие таланты, что в пятнадцать лет взяли Ивана в Сибирский приказ — изучать иностранные языки и переписывать служебные скаски. В тринадцатом, когда майор (тогда еще капитан) Саплин и его супруга, как многие другие государственные люди, по указанию государя, Усатого, переселены были в новую столицу, Иван Крестинин тоже перешел в канцелярию думного дьяка Кузьмы Петровича Матвеева, опять же родного дяди, ревниво и внимательно следившего за жизнью любимой, замужней, но как бы одинокой сестры, поскольку муж ее, Яков Афанасьевич, тогда еще капитан, беспрерывно воевал шведов, почти не показываясь в столице.

Сибирь потихонечку забывалась. Вспоминал Иван про нее, когда начинал ныть на погоду отрубленный палец. Но все равно время шло, забывалась боль, забывались пророчества старика-шептуна. Кто нынче берет такое в голову? Упорным трудом дошел Иван Крестинин до старшего дьяка, но в канцелярии оставался незаметным, держался от других дьяков и подьячих в стороне, потому как часто учинял секретные чертежики для думного дьяка Матвеева (по заказу зельных чинов) и никогда не получал от него разрешения на встречи с другими понимающими в этом деле людьми. По приказу Матвеева правил Иван старые и новые маппы, в основном тоже секретные, а еще много переводил со шведского и немецкого, показав истинную склонность к разным языкам.

Но к маппам, то есть картам, как их тогда называли, особенно был склонен.

Любая чистая незаписанная плоскость, любой не покрытый изображениями лист бумаги поражали воображение Ивана сво-

ей тайной. Ведь правда, как многое можно изобразить на таких плоскостях! Например, океан, а в нем ужасного левиафана, и те пути, по которым плавает ужасный левиафан от одного острова к другому, и, наконец, сами эти еще никому не известные острова. Или большую сушу, а на ней всякие извивы рек, и всякие возвышенности, и наоборот, всякие ужасные провалы, в которых после дождей может собираться вода, образуя озера, а то и моря, в которых вода со временем становится соленой. Даже лужи после дождя казались Ивану всего лишь уменьшенными морями, а пространство любого пустыря казалось копией какой-то маппы. На все смотрел по-особенному, дивился сам себе. Появляясь в канцелярии, неторопливо хромал между широкими столами (два года подряд дважды в одном и том же месте ломал правую ногу), обдумывал новые чертежи, переносил из казачьих отписок, присланных из Сибири, необычные очертания на бумагу, потом долго всматривался, пугаясь — вот совсем новый край! В том краю, говорят, великая стужа, там тьма, мгла, льды. Там корабль не пройдет, птица не пролетит, там воздух тверд от мороза. Непонятно, как вообще возвращаются из таких краев казаки?

Смутно помнил: а ведь есть в Сибири места, где зимой совсем не бывает солнца.

Полузабытое всплывало...

Многое в жизни обмануло Ивана, но больше всего обижался он на глупого старика-шептун. Ну, во всем соврал бесстыжий старик-шептун. Может, Санкт-Петербурх и есть конец света, только уж никак не отыщешь на его прешпектах настоящую дикующую, да и внимание царствующей особы тоже не сильно на себя обратишь.

Да может, и не надо.

Короче, жизнь секретного дьяка Крестинина тянулась скучно, как старая мочала. Не сложилась она так, как предсказывал старик-шептун. Иногда Ивану казалось, что скучная его жизнь всегда так и будет тянуться.

Всегда!

Ох, всегда!

От таких горьких мыслей время от времени секретный дьяк Иван Крестинин впадал в мрачные запои.

Но, конечно, по-умному.

Не просто так, как прыгают в прорубь.

Наученный суровой судьбой, он всегда помнил о превратностях.

Впрочем, и не сильно-то забудешь о превратностях: на каменных столбах и на деревянных кольях посреди Санкт-Петербурга в любой день можно было видеть разлагающиеся трупы казненных царем Петром людишек. Князя Гагарина, казнокрада, к примеру, перевешивали три раза — для науки. Истлевшее лицо закрыли платом, а распухшее тело, заполонившее весь камзол, для верности перетянули цепями.

И так не с одним Гагариным.

Когда-то была у каждого повешенного собственная жизнь, каждому в свое время мамка агукала, и каждому, может быть, старики-шептуны предсказывали удачу. А чем кончилось? Виселицей.

Ох, Санкт-Петербург...

Город низкий, город плоский, город сырой, всегда недостроенный, на неуютных деревянных набережных пахнет смолой, пенькой, гнилью. Выйдешь рано утром, не хочешь, а вздрогнешь. Бледная Луна выкатилась, высветила каменный столб на неустроенной площади, а на столбу прикован цепью заплесневелый вор, таинственно и бесшумно машет крыльями на низком берегу деревянная мельница, побрехивают собаки, стучат колотушки солдат, обходящих улицы. По плоской Неве, по бледному рассвету, неспешно идут плоские плоты, с плотов тянет дымом, и небо над Невой тоже плоское и сырое.

Правда, в детстве Иван видел пространства не менее плоские.

В сендухе, например, в тундре, всегда дивился, всматриваясь в болотное марево: да неужто впрямь земля может быть такой плоской? Даже стаи гусей, медлительно тянувшиеся над тундрой, казались Ивану плоскими.

А сама жизнь? Разве не плоская?

Отец Крестинина Иван Петрович Матвеев, так несчастно убитый в тундре злыми шоромбойскими мужиками, был из богатых стрельцов, из тех, кто в восемьдесят третьем году с придыханием клялся в верности царевне Софье. Жил богато, многим

интересовался, сам за руку выводил семью на высокое крыльцо, когда незадолго до стрелецкого бунта взошла над Москвой на северо-западе странная звезда. Вот смотрите, говорил, указывая пальцем на странную звезду, вроде как все звезды, однако гораздо светлее их, и хвост уперт прямо в Московское государство. Если б стояла та звезда головой в Московское государство, говорил, тогда б все вокруг было тихой благостью и покоем, но видите, уставилась в Московское государство хвостом, значит всякое нам грозит — и темное настроение, и брань кровавая, и даже война.

Так и учинилось.

В один страшный день шумно побежали по низким палатам Кремля пьяные стрельцы, стали вязать узлы, жадно шарить в сундуках, ворошить чужие лари, а заодно рубить бердышами людей. Упившись до полного бесчестия, стольника Нарышкина закололи копьями на площади перед приказами, как свинью. Потом, беснуясь, зарубили бердышами у Мастерской палаты стольника Салтыкова. Потом подвели под топор по-бабьи кричащего от страха думного дьяка Лариона Иванова. И так многих, многих. Боярин князь Юрий Алексеевич Долгоруков, человек известный, встретил стрельцов гневным криком — куда, мол? очнитесь, смерды! поднимаете руку на кого? — но, не слушая смелого боярина, стрельцы сразу проломилась в винный погреб. Сильно гуляли. Потом, погуляв, вспомнили, конечно, и о боярине, предусмотрительно запертом в клетки. Вывели смелого Юрия Алексеевича на крыльцо и без всякого уважения порубили бердышами на drobные части.

Стрелец Иван Петрович Матвеев, хоть и клялся с придыханием в вечной верности суровой царице Софье, сам рук в бунте не окровавил. Господь не допустил. Волею Его болел в те дни Иван Петрович, лежал в огневице. Стрельцам, вбежавшим в избу, прошептал: «Уймись! Торчать вашим головам на кольях, добунтуетесь!» Стрельцы, посмеявшись, больного Матвеева не тронули, не заставили бегать с ними по площадям, — может, поэтому позже Матвеев не был казнен вместе со всеми. Ему даже ноздри не рвали, все обошлось отнятием деревенок и московского дома. Все же на всякий случай (молодой государь не доверял ни одному стрельцу) в том же году Иван Петрович Матвеев был

выслан в Сибирь — якобы для взыскания и охраны ясачных казенных сборов. Впрочем, уезжал Матвеев по-хорошему — в стрелецком кафтане зеленого цвета, обшитом галунами, с красивой перевязью, на ногах весело желтели сапоги, и шапка на голове была еще бархатная с меховой опушкой. Вот только глаза...

Глаза Ивана Петровича Матвеева смотрели на мир с печалью. Видно, предчувствовал нехорошее бывший стрелец.

Нехорошее сразу и началось.

На старой Бабиновской дороге, впуская в свет маленького Ивана, в крике и в столах изошла жена Матвеева, урожденная Крестинина, из давнего тихого русского рода, сидевшего ранее на Клязьме. Младенца, ставшего невольным убийцем матери, нарекли Иваном, довели до Якутска — выжил, подлец, не помер. И в Сибири не помер. Навсегда запомнил плоскую сендуху, жалобно мекающих олешков, рычащего сына убийцы, бросающегося на него с ножом, потом старика-шептуна, и, само собой, небо над головой — бледное, бледное...

Эта бледность как бы навсегда вошла в жизнь Ивана.

Много позже, попав в Санкт-Петербург, сразу узнал знакомую бледность над царским Парадизом: облачки плывут снулые, и отсвет на них бледный, выморочный. В одном тонком сне было Ивану видение: облак тихий, мутный, а на облаке что-то томительное, тоже мутное, и куда взгляд не кинешь, даже как бы сатанинское. Не положено так, никем и ничем не подсказано, а душой угадывается — сатанинское! Вот есть, есть что-то сатанинское в каменном плоском городе, а невозможно глаз отвести!

Сам не знал, что о таком думать.

Всю жизнь рос в боязни и в любопытстве.

В той же Сибири, например, до бледности боялся дикующих, боялся долгих рассказов отца о страшном молодом царе, у которого на плечах нерусский мундир, а на рукавах обшлага такие алые, будто их обмакнули в стрелецкую кровь; сильно боялся пурги и клейменных воров, высланных на правеж в Сибирь, как бы для уменьшения ее очарования.

Но при всех этих страхах всегда мучило Ивана великое любопытство.

Куда, например, уходят зимой все дикующие? Или что, например, лежит вдали вон за той тундряной речкой, за которую никто еще не ходил? Или какие, например, звери живут за горизонтом? И можно ли, собственно, пройти еще дальше — за горизонт? Однажды даже спросил отца, следя за улетающими на север птицами:

— А там, за сендухой, что?

Отец хмуро усмехнулся:

— Край земли.

Даже в сердце кольнуло. Да неужто действительно тот самый что ни на есть *край*? Да неужто там навсегда кончается плоская сендуха? И тут же вопрос невольный: а если кончается? Если, правда, нет ничего дальше той сендухи... Что, что там?.. Может, окиян?.. А в окияне те рыбы, на которых стоит мир?..

Так неизвестным и осталось.

А в Санкт-Петербурхе и в окно смотреть не надо.

В Санкт-Петербурхе всегда темно, неслышанно мрачно. Всю ночь шуршит и шуршит дождь. И днем шуршит, и ночью. По крайней мере, над Мокрушиной слободой, что на Петербургской стороне, где устроился небольшой домик соломенной вдовы Саплиной, небо всегда плоское, темное, и дождь шуршит почти всегда.

Вот и остается спать.

Или пить.

Иван и сейчас спал бы сладко, да не получилось: во сне затомило, заболело сердце, а потом учинился во дворе шум.

Этот шум и разбудил Ивана.

Сразу загудела, заныла, отзываясь на томление сердца и на непонятный шум во дворе, похмельная голова. Сразу захотелось тяжелую повинную голову спрятать поглубже в пуховики, забыться, может даже умереть, потому что для чего подниматься, для чего раскрывать глаза, если жизнь полна одних мрачностей, загадочностей, неизвестностей и ужасных провалов в памяти, а добрая соломенная вдова Саплина, вместо того чтобы ласково кликнуть своего болезненного племянника к столу да установить на столе пузатый графинчик с померанцевой или можжевеловой наливкой, сама, кажется, принимает участие в раннем шуме?..

И правда, голос соломенной вдовы Саплиной, высокий красивый голос, полный некоторых укоров, мешался во дворе с другими высокими голосами, среди которых выделялся еще один — уже совсем высокий, только без укоров, и совсем некрасивый. Будто какая приبلудная собака тоскливо взлаивала или взывала, попав в капкан, одинокая волчица.

Отменно похоже.

Упаси Господь слышать с утра такое!

Но взывала не волчица, попавшая в капкан, тоскливо взлаивала на дворе не собака — кричала некрасивым и болезненным голосом бездомная неистовая кликуша по прозванию тютя Нютя, так ее звали и на Петергофской дороге, и на Выборгской стороне, и за Малой Невкой. В церквах и во дворах тетя Нютя непрестанно кликала нелепым голосом, не боясь ничего. Бабу колотило, ее дергала нечистая сила, ломали судороги. Она вся вздрагивала, теряя платок. Тряся безобразными космами, пугала замороженных мужиков в дерюге, согнанных на работу в Санкт-Петербурх из разных деревень России, пугала старых девок с моськами, от которых пахло белилами и румянами. Вот будут церкви Божии как простые храмы! — непристойно кликала несчастная. И сам Стоглавый собор будет как простой храм! Вот будет разврат кругом! И к святым писаниям будет всякая небрежность! Вот будут вражьи песни кругом, бесстыдные речи, забавы, смех, и хлопанье в ладони, и ужимки-прыжки, и всякая музыка — ангелы отойдут от людей!

Люди испуганно переглядывались, а кликуша не утихала.

Темный глад, темный мрак, и блуд, и бесовские клятвы, и басни всякие, и леность для всех, и безчинные браки! — все проклинала, выводя на свет Божий, неистовая кликуша. Ничего и никого не жалела. Даже себя. Каждодневно удручала себя поддвигами. Но спросишь: боишься ль сама, тетя Нютя? — она тут же менялась в лице и еще сильнее начинала вскрикивать. Боюсь, боюсь! — вскрикивала. Ой, боюсь мук вечных, геенны огненной, скрежета зубовного, червя неусыпаемого!

Оказывается, многого боялась.

А боясь, вскрикивая, так себя разжигала, что остановить ее не могли даже солдаты, если вдруг появлялись. Ну, волокли теть Нютю в участок, там били. Что толку? Все от бесов.

Все от бесов, тоскливо повторил про себя Крестинин. Увидишь или услышишь что-то такое, от чего сердце смутится, — от бесов. И захочешь узнать что-то такое, до чего тебе, в общем, нет и не может быть никакого дела, — это тоже от бесов, пленение тебя ими.

Как всегда, по утрам после ужасного ночного загула странное что-то и тяжелое томило душу Ивана. Будто злодеяние какое совершил.

А может, и совершил...

Свят, свят, свят! — даже думать о таком не хотелось.

Держась двумя руками за гудящую голову, Иван не без труда перевел неправильную мысль на более привычное, подумал с некоторой робостью: *а может, сегодня?..*

Не стал думать о плохом.

Запретил себе думать о плохом.

Просто подумал: *а может, сегодня?..*

Каждый день в течение многих лет засыпал Иван в постели с такой мыслью: вот прошел еще один день, не принес ему никакого счастья, даже унес частичку здоровья, но завтра-то, завтра! Ну никак ведь не может быть такого, чтобы завтра не случилось бы в жизни чего-то особенного!

Честно говоря, он не знал, чего ждать от жизни.

Ну, может, царствующая особа действительно обратит на тебя внимание? Ну обратит... А зачем?.. Или, может, дикующая появится в Санкт-Петербурхе, привезут дикующую в кунсткамеру?.. Опять же, зачем?..

И так далее.

Не знал.

Попытался с усилием вспомнить, как добрался вчера до домика соломенной вдовы, как попал на свою пуховую перину, и не смог. Попытался вспомнить, где провел вчерашний вечер, и не совершил ли, правда, чего ужасного, и не смог: память зияла черными провалами. Последние остатки памяти затмевал, разносил по ветру волчий взыв тети Нюти.

Встать бы надо...

Откашлявшись, отфыркавшись, глотнув холодной брусничной воды, прочистив горло и нос, сунув на минуту лохматую го-

лову в таз с холодной водой, Иван наконец оделся, и несильно толкнул рукой забухшую раму окна.

Легче не стало, только занял на левой руке отрубленный палец.

А занял палец — вспомнился парнишка в уресе. Там, под Якутском... Злобно кидался на него, на Ивана... Понятно, убить хотел, стоял за своего отца... Кровь к крови... А подумав так, вообще заскучал. Вот почему, например, так плохо на сердце? Может, сам кидался вчера на кого с ножом? Может, у меня у самого кровь на душе?

Свят, свят, свят!

Иван испуганно коснулся потемневшего серебряного крестика на груди. Указанный крестик он отнял в сендухе у дикого парнишки в драке, силой сорвал крестик с парнишки. Тот, значит, отрубил ему палец, а он сорвал с парнишки серебряный крестик.

Дохнуло от воспоминаний пугающим, леденящим.

Плоская темная сендуха, одинокая якутская ураса, крытая коричневыми ровдужными шкурами, легкий, разносящийся по всей сендухе запах дыма, низкое светлое северное небо, меканье глупых олешков, ничего не понимающих в человеческой жизни, наконец, кровь на руке...

Вот, вот, кровь на руке!

При одном воспоминании о крови нехорошо жглось сердце. Вот почему он, Иван, ничего не помнит про вчерашнее? Про всякое старое далекое помнит, а про вчерашнее близкое совсем забыл. Уже столько лет прошло со времени той драки в сендухе, а драку помнит. А вчерашнее — хоть убей.

Действительно, ясно, до каждой детали, помнил Иван, как когда-то серебряный крестик, сорванный с парнишки, с сына убивцы, лежал в его окровавленной руке. Помнил и то, как отец, пнув повязанного и брошенного на пол убивцу, перекрестился и кивнул хмуρο:

«Вишь, сам взял... — И добавил странно: — Коль сам взял, значит твое. Значит. Господь так хочет. Может, знак это... — И добавил: — Этим... — хмуρο кивнул на повязанных казаками убивцу и его сына, — ...этим, так думаю, ничего больше не понадобится».

«Казнят?» — потрясенно спросил Иван.

«Беспременно, — кивнул отец. — Вот этот, — кивнул на убивцу, — зарезал собственную жену. Разве не большой грех! Не только большой... Смертный!.. И парнишка у него растет воровом».

И еще раз хмуро глянул на преступника и на его дикого сына: вот совсем глупые, хотели найти спасение в сендухе! А какое в ней спасение? Сендуха, она тоже не без людей. Сендуха, она тоже творенье Божье.

2

Дивны дела твои, Господи!

Опрятный домик соломенной вдовы Саплиной стоял в одну линию с другими, тоже опрятными; ставни резные, крашенные, от дороги двор и садик с беседкой отделены высокой деревянной решеткой, — если идут по размытой улице странные люди, непременно заглянут к вдове. Как стали у соломенной вдовы Саплиной старые иконы по углам почиживать да пощелкивать, так особенно сблизилась вдова со странными. Каких-то особенных неотвратимых знамений вроде не было — ни звезды в небе с метлой, с хвостом, с сиянием, ни семи радуг, ни мертвого ветра с гнилых болот, только вот почиживание да пощелкивание. Но ясное дело — извещают о чем-то. Томясь всяким предчувствием, торопясь понять необычное, соломенная вдова не отпускала от своего дому, подробно не поговорив, ни одного странника, ни одной кликуши. Каждую приметку старалась подробно истолковать со святыми людьми. Вот известно, что длани свербит — к деньгам. А кошка спит, подвернув голову под брюхо, — зимой на мороз. А жаба воркует, сорока стрекочет — к новостям. А в ключ свистнешь, и того яснее — к потере памяти. А иконы?..

Страстно допытывалась у святых людей, что извещает такое необычное почиживание да пощелкивание. Всячески угождала святым людям чаем с сухариками да с белым хлебом, а сама допытывалась.

Ох, долюшка!..

Вздыхая, сопя, сил не имея припомнить того, что могло случиться вчера, даже радуясь тому, что ничего вспомнить не мо-

жет, полез Иван лохматой головой в открытое окно. Одно ясно — выпито вчера винца в кабаках не на одну денежку. Первые приметы: дыхание скверное, памяти нет. Может, снова подумал, это и хорошо, что памяти нет?..

К утреннему чаю соломенная вдова выходила обычно в китайчатом сарафане малинового цвета, на белой шее скромное ожерелье из неярких северных жемчугов — сам майор Саплин подарил, ныне пропавший в бесконечной Сибири, но сегодня, выглянув во двор, Иван увидел на доброй вдове нерусский халат, длинный и яркий, с широкими рукавами и травчатого удивительного узора, будто невиданное растение расцвело на груди вдовы! У Ивана даже голова закружилась, такая дивная красота. Не зря говорят: апонский халат, прозвание — хирамоно.

Вот хороша матушка, подумал тоскливо, а пропадает попусту. Один у нее муж-майор, а и тот в Сибири. Может, давно пропал. И подумал сердито: да и как не пропадет, если в целом доме некому бедному секретному дьяку поднести наливки с утра!..

Желтоватый песок, которым густо посыпали широкий двор, порос кое-где поздней осенней травкой, бледной, беспомощной, с нездоровым подцветом. На травке, вминая ее в песок, на глазах дворовых людей, взвизгивая, всхрапывая, влаивая не почеловечески, билась ужасно худая баба в сбившемся, потасканном платье. Нечистая сила дергала со всех сил бабу, сорвала платок с головы. Добрая вдова Саплина в дивном нерусском халате хирамоно, тоже простоволосая, как выскочила во двор, так всеми силами пыталась помочь несчастной, спасала кликушу в ее убожестве.

— Кто ж это?.. — присмотревшись, спросил в никуда Иван. — Вроде не тетя Нютя...

— Да новая кликуша, Иван Иванович! Совсем новая! — вынырнула из дверей проворная Нюшка, сенная девка. — Говорят, из дальних мест пробирается в Киев на богомолье, по обещанию. Вот все ходит да кликает и кликает своим нелепым гласом!

— Беды бы не накликала, — перекрестился Иван и попытался ущипнуть Нюшку за высокий бок. Но девка ускользнула, смеясь:

— Неловкий вы сегодня, Иван Иванович.

— Неловкий, — печально согласился Иван. И пригрозил на всякий случай: — Сорока-белобока, дай хлеба немного, а Нюше-горюше мужа — бескрылова да косорылова! — И ласково под-сказал: — Ты, Нюшка, не забудь, поставь наливку на стол...

— Как барыня скажут, — дерзко ответила Нюшка. Но пожа-лела Ивана:

— Барыня сегодня сердитые. Это потому как вас, Иван Ива-нович, вчера домой опять в чужой привезли телеге. Вы громко воинскую песню пели и ругались. Барыня сказали: погонят вас со двора. Совсем не в себе были.

— Да как не в себе? В ком же?

— Тьфу на вас! — замахала руками Нюшка. — Я барыню бо-юсь, вы барыню только сердите. Погонят вас со двора!

3

Томительно прислушиваясь к боли, гоня прочь дурные мыс-ли — (а правда? не совершил ли какого злодеяния?) — Иван посидел немножко на лавке, уютно укрытой вышитой дорож-кой. Даже провел пальцем по дорожке, кое-где прожженной, но умело заштопанной. Когда-то на лавке с трубкой в руке любил отдыхать неукротимый маиор Саплин — курил матросский та-бак. В нише изразцовой печи всегда стоял у него горячий ко-фейник. В отличие от Ивана, неукротимый маиор Саплин заве-домо не знал никакого томления духа. Несмотря на свой малый рост, был крепок во всем, даже на выпивку. Ну, совсем крепкий был человек.

Иван повел носом.

Душно, по-домашнему, тянуло геранью с окна.

На стене — ковер мунгальский с бахромой, не такой богатый, как в спальне соломенной вдовы, но почти новый, почти не вы-тертый; и коврики китайчатые цветные — заботами вдовы; опять же, скатерки разные вышитые, цветные занавески. На полу вол-чья полость — согреть ноги, когда озябнут. Все мелочи в доме вытканы, вышиты самой вдовой или ее девками. А чего ж? Гово-рят, сама государыня не стыдится царю Петру самолично коп-тить колбасы. Почему не вышить скатерку бедной вдове, пусть и соломенной?

Прашкевич Г.

П 70 Секретный дьяк : романы / Геннадий Прашкевич. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 832 с. — (Русская литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-32151-9

В творчестве Геннадия Прашкевича прошлое Сибири не просто часть нашей общей истории. Сибирь — его родина, здесь он родился, отсюда его живое, пристальное, неравнодушное отношение к тому, чем жила Россия былых времен, к чему стремилась, на какие жертвы готова была и шла, чтобы обрести те границы, которые мы имеем сегодня. В романе «Носорукый» русские казаки по приказу царя Алексея Михайловича ищут в тундре на Индигирке живого мамонта, в «Тайне полярного князя» знаменитый землепроходец Семен Дежнев вместе со своими товарищами обустроивает поселение на Погыче, «реке на краю земли, славной своей пушшиной, рыбьим зубом и серебром». Но вершина «сибириады» Прашкевича — это «Секретный дьяк», роман о трудном пути в полумифическую страну Апоению, о выходе русских на недосягаемую Камчатку и Курильские острова.

«Все началось со случайного взгляда в школьный учебник, — рассказывает писатель об истории создания романа „Секретный дьяк“. — Поразило, что истории Сибири уделена в учебнике всего одна страничка. Набор всем известных имен — Хабаров, Атласов, Ермак. И ни слова о Стадухине, Реброве, Курочкине, Козыревском. И ни слова о Крашенинникове, Йохельсоне, Тане-Богоразе. И ни слова о других многих и многих мелких и крупных русских землепроходцах, будто, кроме разбойников Ермака и Хабарова, и похвастаться нечем. Станным, досадным мне все это показалось. Спросил себя: а что, собственно, я сам знаю о родной Сибири, искоженной вдоль и поперек? И вдруг дошло до меня, что знаю я сам не больше какого-нибудь московского кандидата филологических наук. Поняв это, я погрузился в „Сибирику“, в миллеровские сундуки, в архивы...»

И получилась в итоге книга о великом, трудном походе, раздвинувшем пределы отечества к далекому восточному океану и утвердившем наши границы во славу Государства Российского.

Тексты произведений в настоящем издании значительно переработаны, дополнены и исправлены автором.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ГЕННАДИЙ ПРАШКЕВИЧ
СЕКРЕТНЫЙ ДЬЯК

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Дмитрий Капитонов, Ульяна Смирнова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 27.03.2026.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 50,96. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68 Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский даңғылы, 68-үй Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-ARL-41443-01-R